

Рисунок И. СЕМЕНОВА.

СЕЗОННОЕ

— Опять, как и в прошлом году, опоздали на курортный поезд...

К Р О К О Д И Л

КРОКОДИЛ ОТВЕЧАЕТ

Народному судье 2-го участка Мантуровского района, Костромской области, товарищу А. ЯСНИКОВУ

Уважаемый товарищ Ясников!

Мы получили ваше письмо и считаем нужным дать ответ на страницах журнала.

Вы с полным основанием просите обратить внимание на бюрократическое, бездушное отношение заведующей районным отделом социального обеспечения тов. Соболевой и начальника областного отдела социального обеспечения тов. Ивановой к инвалиду Отечественной войны пенсионеру Александру Павловичу Круглову.

Александр Павлович нуждался в протезе. В Мантурове протезной мастерской нет, и тов. Соболева направила его в Кострому. А денег на дорогу не дала:

— Денег сейчас нет... Хотите — ждите...

Но Круглов ждать не мог. Тогда Соболева посоветовала раздобыть у кого-либо денег:

— В областном отделе вам полностью возместят и выдадут на обратную дорогу. А мы укажем, что аванса не выдали...

Но когда Круглов получил наконец в Костроме свой новый протез и обратился к начальнику областного собес тов. Ивановой, та, пожав плечами, сухо изрекла:

— Деньги на вас переведены в Мантурово.

— Как же мне всё-таки добраться до дому? Ведь мне от Мантурова ещё сорок километров!..

— В Мантурове и получите.

— Но мне и до Мантурова доехать не на что.

Начальник областного собес тов. Иванова недвусмысленно дала понять, что дальнейшие разговоры бесполезны. К счастью, Александр Павлович встретил земляков, и они его выручили.

Приехав в Мантурово, Круглов обратился в районный собес к Соболевой. Но «репертуар» тов. Соболевой, видимо, весьма ограничен. Едва только Круглов переступил порог её кабинета, как она завела ту же пластинку:

— Денег нет. Область не выслала. Хотите — ждите...

Но Круглов ждать не мог: он и так издержался до последней копейки. И вот тогда-то он обратился к вам, тов. Ясников.

Вы могли подобно Соболевой и Ивановой посоветовать Круглову обождать недельку—другую, а затем вернуть заявление, поскольку оно к суду никакого отношения не имеет. Вы так не поступили, а сняли трубку и попытались разрешить всё дело по телефону.

В письме вы приводите свой разговор с Соболевой:

«— Товарищ Соболева, почему не выдаёте денег товарищу Круглову?»

— Нет денег. А когда будут, не знаю.

— Но ведь он просит выдать хотя бы двадцать рублей, чтобы доехать до дому. Неужели вы не можете найти такую сумму?

— Если у вас есть, дайте.

— Приходите, дам».

Дальше вы пишете: «И вы думаете, постеснялась? Нет, нисколько. Прислала своего работника за деньгами...»

Вы заканчиваете письмо короткой фразой: «Комментарии излишни».

Так ли?

Нет, случай, который вы описываете, нуждается в комментариях.

Вы поступили правильно. Говорим это не для похвалы. Точно так же на вашем месте поступил бы любой советский гражданин, который не может равнодушно взирать на факты бюрократизма. Вы помогли инвалиду, очутившемуся в затруднительном положении. Вы не прошли мимо этого возмутительного случая и написали о нём в Крокодил.

Вполне возможно, что и тов. Соболева и тов. Иванова удивятся, когда узнают о вашем письме в Крокодил:

— Разве это входит в функции народного судьи — вмешиваться в наши взаимоотношения с инвалидами? И стоит ли вообще поднимать шум из-за такого мелкого факта?..

Если вы услышите нечто подобное, не смущайтесь и при случае разъясните Соболевой и Ивановой, что забота о живом человеке в нашей стране никогда не была мелочью. И очень жаль, что эта истина до сих пор не дошла до сознания тех, кто обязан проявлять такую заботу хотя бы по долгу своей службы.

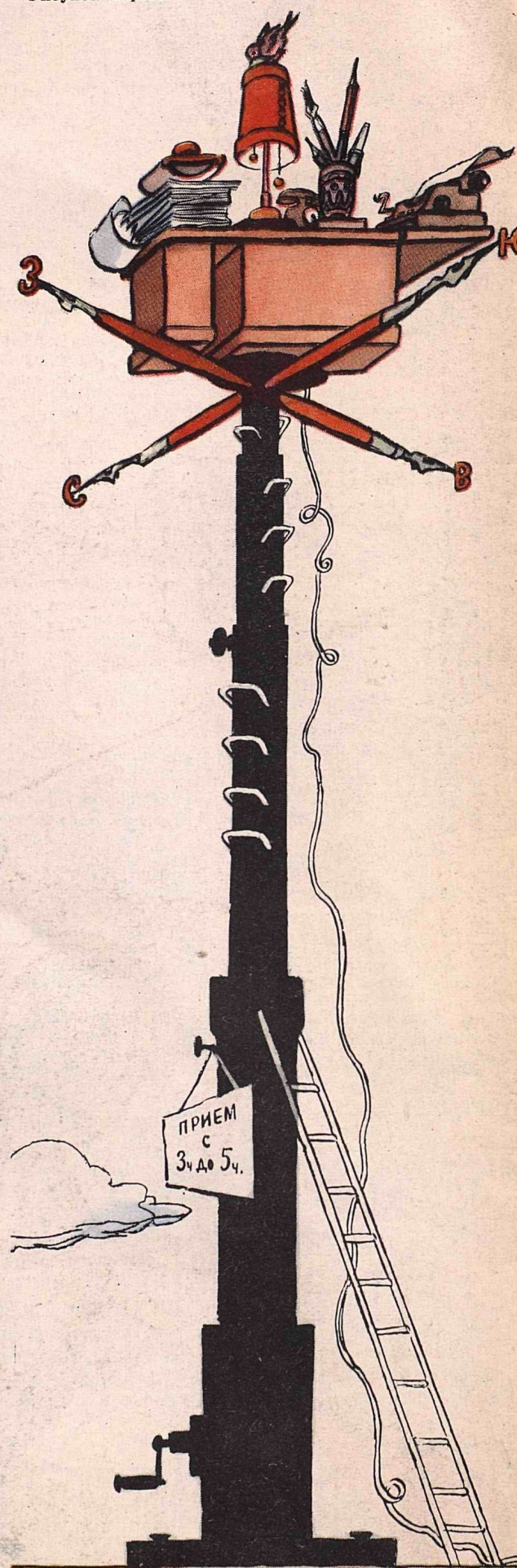
Вы, товарищ Ясников, теперь наш корреспондент. Можете ли вы считать свою миссию исчерпанной? Безусловно, нет! Ведь вы ещё и депутат местного Совета, облечённый высоким доверием избирателей. Почему бы вам на ближайшей сессии Совета не поднять вопрос о работе районного собес? Несомненно, остальные депутаты вас поддержат, ибо история о том, как в собес бездушно и чёрство отнеслись к инвалиду Отечественной войны Александру Павловичу Круглову, — серьёзный сигнал.

Может быть, вслед за Мантуровским советом деятельностью органов социального обеспечения заинтересуются и областной совет в Костроме...

Мы думаем, товарищ Ясников, вы согласитесь с нами, что комментарии к вашему письму далеко не излишни.

С приветом КРОКОДИЛ

Рисунок Бориса ЛЕО.

КУДА ВЕТЕР ДУЕТ...

ОПАСНОЕ СОВПАДЕНИЕ

Техник-связист Рябов имел все основания быть довольным своей судьбой. На производстве его ценят как честного, хорошего работника. Друзьями он любим за веселый, открытый нрав. Молодая супруга души в нём не чаёт... А главное, совесть его чиста, как безоблачное июньское небо.

И вдруг всё смешалось в доме Рябовых. В один прекрасный день техник, к ужасу своему, узнаёт, что под личиной добропорядочного человека, каковым считают его окружающие и он сам, скрывается аморальный субъект, опасный соблазнитель и двоеженец.

Глаза технику-связисту открыли добрые люди из отделения милиции города Москвы, куда его вызвали весной 1950 года. Один из инспекторов радушно пригласил его садиться и спросил тем вкрадчивым тоном, каким обычно жёны осведомляются у вернувшихся за полночь мужей: «Опять задержали на заседании? А ну, дыхни!..»:

— Ваша фамилия Рябов?
— Правильно,— подтвердил Рябов.
— Владимир Александрович? 1922 года рождения?

— Именно.

Инспектор просял.

— Попался, молодчик! — радостно сказал он, глядя на техника с нежностью кота, взирающего на пойманную мышшь.— Долго же ты, братец, всех водил за нос. Ай-яй-яй... И до чего же доводит людей подлость характера!

И он возвёл очи горё, как бы призывая плохо побелённый потолок своей комнатки немедленно обрушиться на голову сидящего перед ним злодея.

Удивлённый техник потребовал объяснений. Тогда инспектор стукнул ладонью по столу:

— Хватит антимионию разводите! Намерены вы выплачивать алименты своей семье, проживающей...— он заглянул в какую-то бумажку,— в Троицком районе, Кемеровской области, или нет?

— Но у меня нет никакой семьи в Кемерове,— пролепетал опешивший техник.

— Как же нету, когда тут ясно сказано: «Рябов Владимир Александрович, 1922 года рождения...»?! Давайте, гражданин, будем платить!

Вскоре в бухгалтерии появился исполнительный лист, и с Рябова начали удерживать деньги... «А делишки-то дрянь,— сообразил техник,— ну, да за чужие грехи я расплачиваться не намерен».

Кое-как успокоив плачущую жену, Рябов одолжил в кассе взаимопомощи деньги, выпросил отпуск за свой счёт и срочно выехал в далёкий Троицкий район.

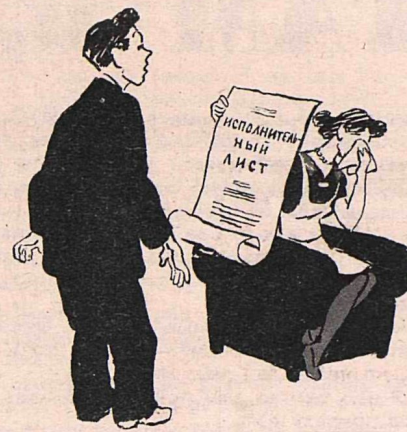
Прибыв на место, он встретился с народным судьёй тов. Пирожковой, а затем и с самой истицей Е. А. Рябовой. И тут недоразумение выяснилось. Истица подтвердила, что техник Рябов — только однофамилец и тётка её преобладающего в бегах супруга. Нарсуд установил, что налицо судебная ошибка. Исполнительный лист был отослан обратно.

Тут бы, казалось, можно поставить точку. Но нет. Прошло два года, и в Троицком нарсуде произошли важные перемены: выбыла судья тов. Пирожкова, а на её место воссел судья тов. Архипов — муж строгий и решительный в поступках. Знакомясь с делом техника Рябова, он сразу же сообразил: выполнять определение своей предшественницы о розыске подлинного истца ему вовсе не обязательно. К чему лишние хлопоты? Налицо уже есть один Рябов Владимир Александрович, 1922 года рождения.

И вот из Кемерова в Москву прибывают новый исполнительный лист и новое решение Троицкого нарсуда о взыскании с Рябова В. А. алиментов.

Опять всё смешалось в доме Рябовых. Супруга Владимира Александровича уже всерьёз начала косо на него поглядывать. Чувствуя, что его семейному счастью угрожает опасность, Рябов пишет отчаянные протесты в Верховный Суд РСФСР и в кассационную коллегия Кемеровского областного суда.

Рябова снова вызывают в отделение милиции. На сей раз там не тратили времени на расспросы, а сразу взяли быка за рога:

— Платить будем?

— Да за что же?

Последовал разговор, носивший более (со стороны разговаривающего с техником-связистом инспектора) или менее (со стороны Рябова) бурный характер. Однако он ни к чему не привёл: Владимир Александрович твёрдо стоял на своём.

А месяц спустя пришёл долгожданный ответ из Кемерова. Заместитель председателя областного суда тов. Клепцов извещал Рябова, что Верховный Суд РСФСР отменил решение Троицкого нарсуда как ошибочное и обещал немедленно отозвать исполнительный лист. Но... для окончательного решения дела необходимо, чтобы Рябов выслал нотариально заверенную копию своего метрического свидетельства (?).

— Час от часу не легче! — возмутился техник Рябов.— Ведь все документы, подтверждающие мою невиновность, у Клепцова имеются. Выходит, я опять должен доказывать, что я — это я!

Как в воду глядел человек! Ровно через месяц другой заместитель председателя Кемеровского областного суда, тов. Красноперова, сообщила Рябову, что, по её мнению, он именно и есть подлинный ответчик, только не желает в этом признаваться.

И снова пришедший в отчаяние Рябов пишет, доказывает, разъясняет, что он — это он, а не тот, за кого его принимают. Он требует, чтобы наконец разобрались в его и без того ясном деле.

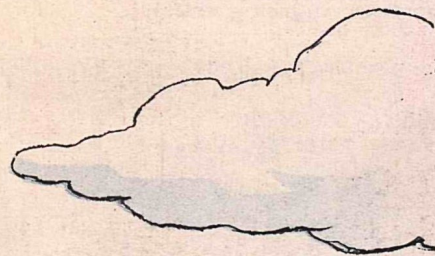
Впрочем, разве это только его личное дело? А брошенная тем, другим, Рябовым семья? Она ведь тоже заинтересована в том, чтобы судебные органы не гонялись за первым попавшимся под руку Рябовым, а приложили немного усилий к розыску подлинного беглеца, забывшего о своем отцовском долге.

Но техника-связиста никто не слушает. Ему никто не верит. Дома у него трагедия. Знакомые, друзья, слушая его сетования, двусмысленно улыбаются и, опустив глаза, отвечают неопределёнными междометиями, вроде: «Гм», «Н-да» и т. д.

Что же остаётся теперь технику Рябову? Как ему вернуть ни за что, ни про что утраченное доброе имя и покой в семье? Одна осталась у него надежда — на чудо. Авось, проснётся совесть у подлинного алиментщика Владимира Александровича Рябова, напишет он покаянное письмо в Кемерово, тов. Красноперовой, и попросит оставить москвича в покое.

Но чудес, как известно, не бывает...

Н. БАЖЕНОВ

СЕКРЕТАРЬ: — Драматурга нет в кабинете. Он в безветренную погоду вообще не работает...

ТАМ ИЛИ ТУТ ?..

Пришлось мне побывать в одной МТС. Главный инженер этой МТС — словно бы толковый человек, разбирается во всём. Мы с ним чуть ли не подружились за те три дня, что я прожил на усадьбе станции.

Вот зашёл я как-то раз к нему в кабинет, поговорили, разумеется, про сельское хозяйство в свете последних решений. Инженер меня спрашивает:

— Читали вы «Районные будни» Овечкина?

— Нет ещё,— отвечаю.— Очень хочу прочесть, но не достал пока книги.

— Я вам охотно дам почитать. У меня есть. Завтра привезу вам.

— Откуда привезёте? — спрашиваю я.

— Да из дому же...

— А вы из дому на работу ездите? На чём же?

Инженер вздохнул и заметил:

— То-то и дело, что пока приходится другой раз трястись на грузовике. Легковой парк у нас — не ай-ай-ай.

— Позвольте! Да жилища для личного состава станции у вас — вот они — из окна видать.

— Ну, видать. Но я-то живу не здесь, а в Воробьёвке, где районный центр! Сорок километров отсюда!

— И вы, значит, каждый день утром и вечером по восемьдесят километров отмахиваете?

Инженер вздохнул:

— А что ж делать? Спасибо ещё, если удастся «отмахать». А то дела задержат здесь, ну и ночуешь.

Мне захотелось спросить инженера, почему он не переезжает на постоянное жительство к месту работы, но посоветился: всё-таки человек я здесь посторонний.

Мы помолчали. Потом беседа возобновилась и приняла более весёлый характер. Настолько весёлый, что инженер воскликнул:

— А знаете что? Скоро ведь рабочий день кончается! Давайте немного посидим здесь. Пол-литра у меня найдётся. (Тут он приоткрыл ящик письменного стола, и я увидел, как поблескивает бутылочка.) Выпьем, значит, закусим... Хотя нет, закуска-то у меня там...

— Где там?

— Ну, дома.

— В Воробьёвке?

— Вот именно!

— Да... этак, пожалуй, не очень удобно: выпил и езда за сорок километров закусить.

Инженер глубоко вздохнул, и беседа перешла на другие темы. Очень скоро дверь в кабинет открылась, и вошёл бухгалтер Иван Елисеевич, человек строгий и пожилой.

— Можно к вам? Здравствуйте! Я вот что хотел спросить, Николай Игнатьевич: ведомость мою вы уже подписали?

— А как же! — отозвался главный инженер. — Вчера вечером всё рассмотрел, проверил и подписал.

— Разрешите забрать у вас? А то ведь просрочиваем мы.

— А как же! Сейчас отдам.

Инженер сперва залез в свой портфель,

лежавший на краю стола, потом стал шарить в ящиках, обыскал карманы пальто.

— Что за чёрт! — сердито повторял он при этом. — Вчера ещё сам проверил и сам положил. Куда только я её положил? Ещё помню, уточнял я цифры по колхозу «Луч света» и потом опечатки исправлял. Где же она может быть? А?

Бухгалтер стоял молча и глядел прямо перед собою. Никакого сожаления хлопоты инженера в нём не вызвали. Из этого я понял, что такие поиски происходят не первый раз.

Наконец инженер сконфуженно почесал затылок и робким голосом заявил:

— Ну, ничего не поделаешь. Значит, там она, ведомость, в Воробьёвке.

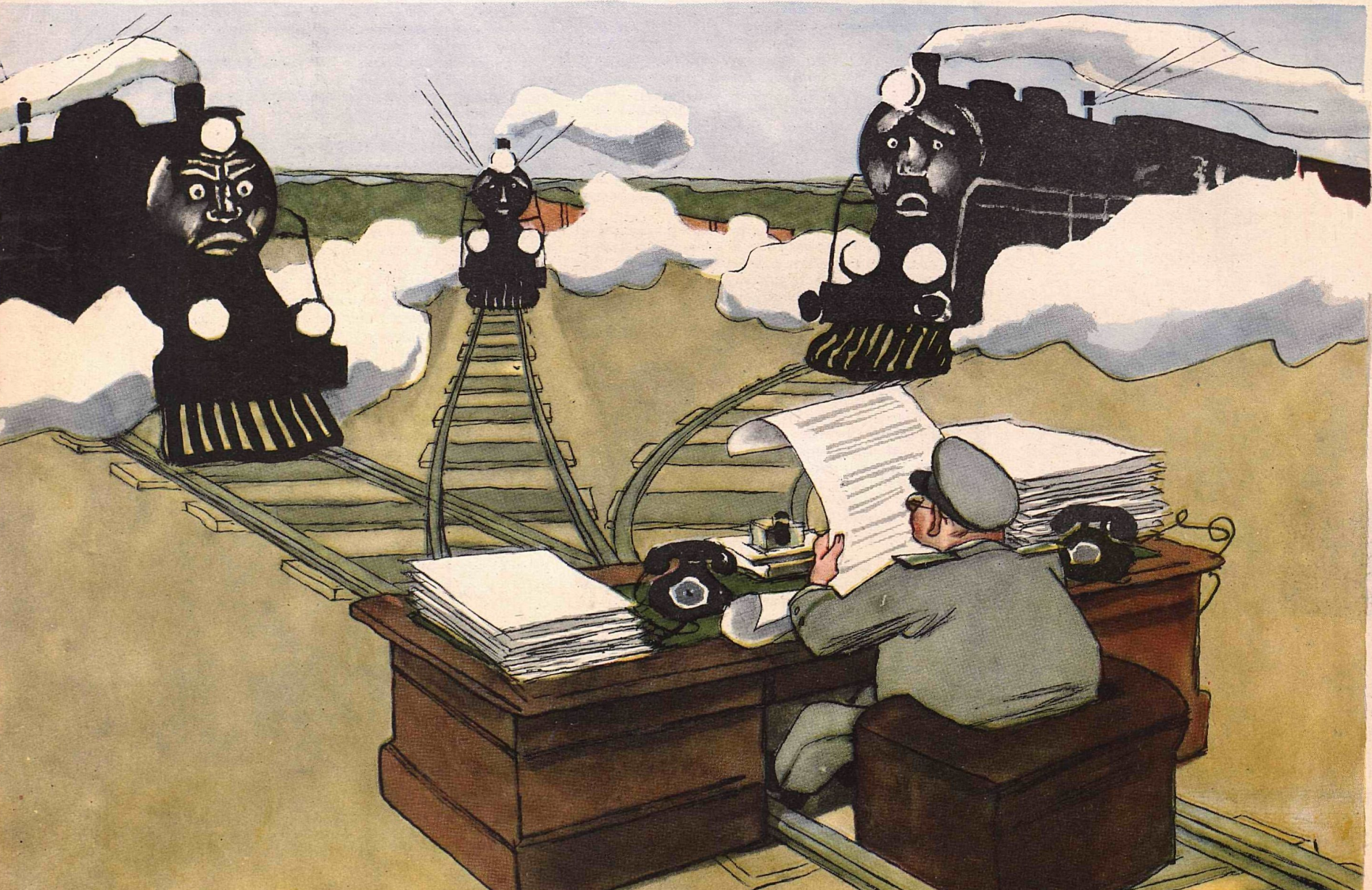
— Я пойду,— сурово произнёс бухгалтер.

— Ступайте, Иван Елисеевич! Даю вам слово, что завтра уж обязательно...

Рисунок М. ЧЕРЕМНЫХ.

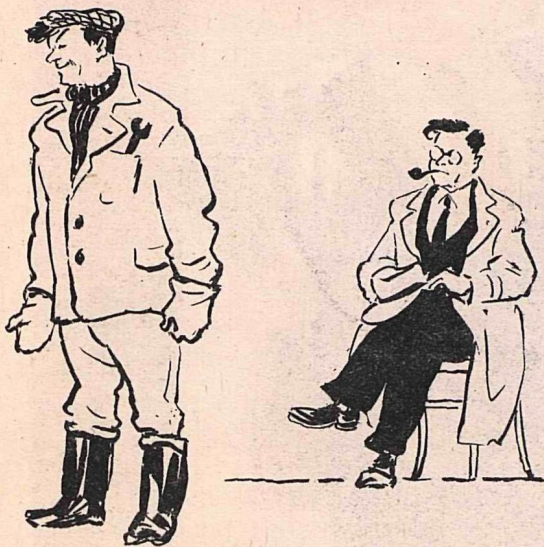
— Своей работой он нас просто ставит в тупик.

Руководители Управлений железных дорог зачастую злоупотребляют приказами с требованием всякого рода справок и отчётов.

Зазвонил телефон, и, не закончив фразу, инженер взял трубку.

— Алло! Ну, я говорю, я! Что тебе надо, Манюрочка? Тетради? Тетради Вовы? Они же там! Ну, у тебя, дома. Как это там? Ну да! Если я теперь здесь, значит, всё то, что у меня в кабинете на работе, всё это для меня «тут». А то, что дома, стало «там». Погоди, не перебивай! Вот, когда я приеду домой, тогда то, что дома, для меня будет «тут», а то, что... Тьфу! Запутайся с тобой! Хорошо! Я посмотрю в письменном столе, но я знаю точно: тетрадей там нет! Ну, у меня нет. Одну минутку!

Повторив ещё раз «одну минутку», уже для меня, инженер с привычным, как видно, нервным нетерпением опять стал шарить по ящикам стола. Из одного ящика вместе с деловой перепиской и чертежами вывалилась стопка

ученических тетрадей. И я снова увидел, как инженер поднёс к затылку руку, чтобы смущённо почесать в голове. Затем он взял трубку и убитым голосом сказал:

— Манюрочка! Кхм... Ты, действительно, отчасти права. Тетради, в общем, тут: ну, у меня. Да, да, «тут». Это в твоём смысле «там». Нашёл я тетради. И сегодня обязательно привезу их. Когда приеду? А ты не знаешь, когда я приезжаю? Что значит «ребёнку надо спать»? Ну, одолжи у кого-нибудь тетрадь. Или пусть напишет просто на бумаге. Только смотрите: на деловых бумагах ничего не пишите!

Инженер положил трубку на рычаг и кинул на меня быстрый, вороватый взгляд. Я притворился, будто безумно интересуюсь тем, что делается за окном.

— Ну, тэк-с,— несколько успокоившись, начал инженер.— Неплохо бы нам с вами побаловаться охотой в выходной, а? Вы как насчёт этого? Я-то лично, каюсь, большой любитель побродить по болотам, по лесам. И ружьишко у меня — первый сорт: тульское, индивидуальное. Ещё по заказу какого-то графа или князя... Пойдите, кажется, оно у меня тут, нет, там. Или тут.

— Нет, нет, я в этом мало чего понимаю! — поспешно заявил я: хотелось избавиться и себя и самого инженера от новых поисков.

Но избавиться не удалось. В дверь вошёл тяжёлыми шагами человек явно гаражного типа: запятнанная горячим брезентовая куртка, такие же рукавицы, резиновые сапоги...

— Николай Игнатьевич, образцы колец для трактора у вас тут? Или тоже «там»? — не без ехидства спросил человек.

— Ну да! Образцы у меня. Пойдите, пойдите! Утром я ещё их видел...

— Да где видели-то: «тут» или «там»? — с откровенной иронией произнёс пришедший.

Мне стало ясно, что эта игра известна всему персоналу МТС.

— Видишь ли... — неуверенно начал инженер. — Кажется, я сделал так. Да-да-да! Два образца оставил там, а один лежит у меня тут. Сейчас найду.

И опять содержимое ящиков стола вывалилось наружу. Опять инженер почёсывал затылок, бормоча:

— Что же это такое? Я же сам их видел тут... А впрочем, может быть, и там.

Человек в брезентовой куртке вдруг произнёс тихо-тихо, но всё-таки я услышал отчётливо:

— А голова-то у тебя «тут», или «там», или уж посеял её по дороге на сороковом километре?

— А? — переспросил инженер. — Что вы говорите?

— Ничего. Так колец нету, что ли?

— Как это нет? Должны быть.

— Ага. Ну, так.

Человек из гаража ушёл. Инженер просто-напросто отвернулся от меня.

Наигранно бодрим голосом я сказал:

— Ну, так. Я тогда тоже пойду. Если позволите, зайду завтра.

— Ну, что ж! Буду очень рад!

Теперь инженер повернулся ко мне, и по его глазам я понял: рад он не будет. Да и я, по правде сказать, почувствовал, что приятельство наше не состоялось: ну что это, в самом деле, за основа для дружбы — оказаться свидетелем неловкого положения именно того, с кем собирался подружиться?

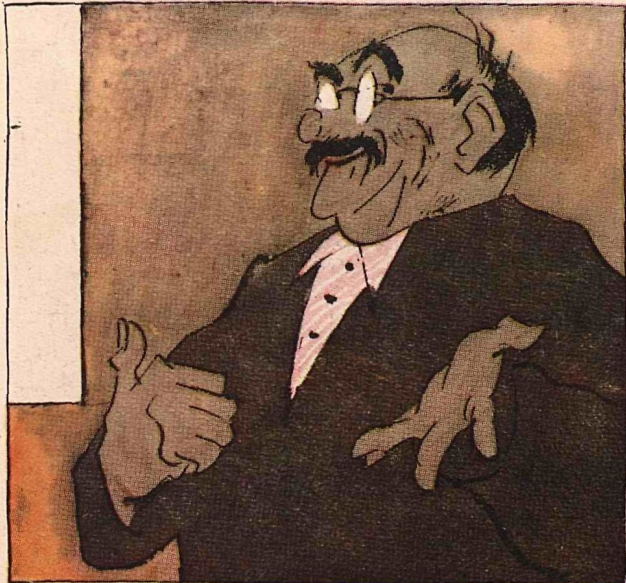
Думаю, теперь инженер не ездит ежедневно по 80 километров, считая туда и обратно. Или последние денёчки разъезжает и последние разы произносит с раздражением:

— Тут или там? Кажется, было тут. Или нет: если оно утром было тут, значит, теперь это там. Но к вечеру, если, конечно, я сам не останусь там... то есть тут...

А может, этот товарищ теперь остался и не тут и не там?.. Так ведь тоже бывает!

С КУЛЬТУРНЫМ ОБСЛУЖИВАНИЕМ КОЛХОЗНИКОВ ВО ВВЕРЕННОМ МНЕ РАЙОНЕ ВСЁ ОБСТОИТ БЛАГОПОЛУЧНО...

Рисунок В. ГОРЯЕВА.

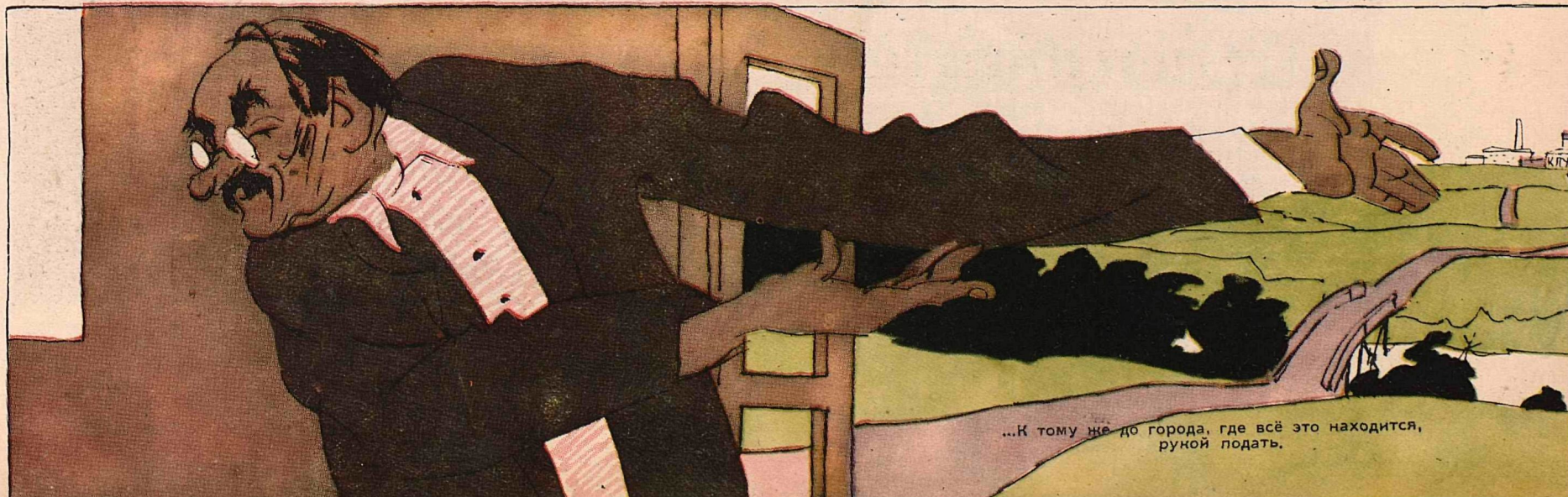
...Они могут посмотреть новую кинокартину...

...В книжном магазине приобрести новую книгу...

...В клубе послушать радио и почитать газеты...

...К тому же до города, где всё это находится, рукой подать.

И. ЗОЛОТАРЕВСКИЙ

Хвост

Учёный муж узрел в саду кота
 Почти без всяких признаков хвоста.
 На гладком месте,
 не к кошачьей чести,
 Торчала как бы пуговка из шерсти.
 — Бесхвостый кот! Какая красота!
 Редчайший вид, неведомый науке! —
 И, подтянув привычным жестом брюки,
 Учёный муж в охапку сгрэб кота.
 В лаборатории, куда был взят
 Врасплох захваченный бесхвостый пленник,
 Им занялся весьма солидный штат,
 На изысканья не жалея денег.
 Был потревожен весь кошачий род
 От наших дней до мезозойской эры,
 Исследовались форма и размеры
 Хвостов доисторических пород.
 Вопрос был разработан до глубин,
 Каких достичь случается не часто!
 Попутно был исследован павлин
 И павиан бесхвостый —
 для контраста.

Кот околел,
 но труд о нём готов —
 Созревший плод исканий многолетних:
 «Рудиментарный орган у котиков
 В аспекте новых данных о последних». —
 В труде авторитеты наповал
 Учёный муж разил с огромной силой.
 Он всё постиг...

Лишь одного не знал:
 Что хвост коту овчарка откусила.

г. Киев.

КАК НИ СТРАННО, НО...

...некоторые товарищи убеждены, что кратчайший путь с Кавказа в Поволжье пролегает через Восточную Сибирь. Ничем иным не берёмся объяснить то, что в магазинах Казани продаётся чай с такой этикеткой:

«ЧАЙ ГРУЗИНСКИЙ. Чаеразвесочная фабрика. г. Иркутск».

Если выяснение обстоятельств, сопутствующих этому удивительному явлению, пойдёт по линии Тбилиси — Иркутск — Казань, не мешало бы заглянуть и в Москву, в Министерство промышленности продовольственных товаров. Не найдёт ли оно возможным укоротить неисповедимые пути своей продукции?..

Рисунок В. КОНОВАЛОВА.

ЗООТЕХНИК: — Я лично к сельскохозяйственной выставке подготовился, но из-за вас, чумазых, не посылают.

БЕЗ ОТТЕНКОВ

...И вот они встретились, чтобы объяснить начистоту.

— Нет, ты припомни, как дело было! — настаивает председатель Чемодановского колхоза Ф. Ф. Моисеев.

— Зачем же припоминать? — возражает бригадир трактористов тов. Осипов. — В газете всё чёрным по белому обозначено...

— И что же там, по-твоему, обозначено? Осипов лукаво усмехается и отвечает на вопрос вопросом:

— А ты будто не знаешь? То самое и обозначено: плохо ваша колхозная молодёжь работает...

— Ну, это уж ты, брат, выдумываешь! В газете сказано совсем другое: с воодушевлением, мол, трудятся комсомольцы и молодёжь.

— Так, значит, прямо и сказано? — иронизирует бригадир. — Ну-ну... А больше ты там ничего такого интересного не вычитал?

— Про тебя же самого и вычитал: внимательно, дескать, слушают трактористы бригадира Осипова, который читает свежую газету.

Тут Осипов решает, что пора переходить в наступление.

— А вот и неправда! — объявляет он напрямки. — Я хорошо помню, что там сказано: нет у механизаторов свежих газет. Да тебе что! Ты ещё не то выдумываешь...

— Ах, так! — обижается председатель. —

Значит, я выдумываю! А вот товарищ корреспондент пишет, что засеяно 150 гектаров и бригадир Осипов спокоен за машины...

— И опять неправда! Товарищ корреспондент пишет, что засеяно немногим больше 50 гектаров, а Осипов (я то есть) сказал: «Сыро». А Моисеев (ты, значит) добавил: «Тонем...»

— Знаешь что? — отвечает Моисеев. — Давай возьмём газету, и ты сам убедишься, что я сказал: «Уложимся в срок».

И вот тут бригадира словно осенило:

— Постой, постой! Да ты за какое число газету читал?

— За двадцать третье апреля.

— И я за двадцать третье апреля! Тогда в чём же дело?..

А дело всё в том, что герои нашего повествования читали разные печатные органы. Бригадир трактористов — пензенскую областную газету «Сталинское знамя», а председатель колхоза — пензенскую же областную молодёжную газету. А корреспонденты этих изданий М. Косов и Ю. Чернышёв пользовались при обрисовке положения в одном колхозе на одно число разными красками: первый — чёрной, второй — розовой. Без оттенков...

И теперь читатели теряются в догадках:

— Как же было в действительности? Какому корреспонденту верить? Или ни тому, ни другому?..

С. ШЕВЕЛЕВ

НОВОСТИ

МЕХАНИКИ

— Вам нужен колодец? — спросили в омутинской конторе «Мелиоводстрой» (Тюменская область) у представителя межрайонной мастерской капитального ремонта. — А двадцать тысяч у вас есть?

— Наскребём.

— Тогда извольте подписать договор!

Подписали. Начали ждать колодца. И дождался нового предложения:

— Хотим рыть колодец не по старинке, не ручным способом, а механическим. Как вы на это смотрите?

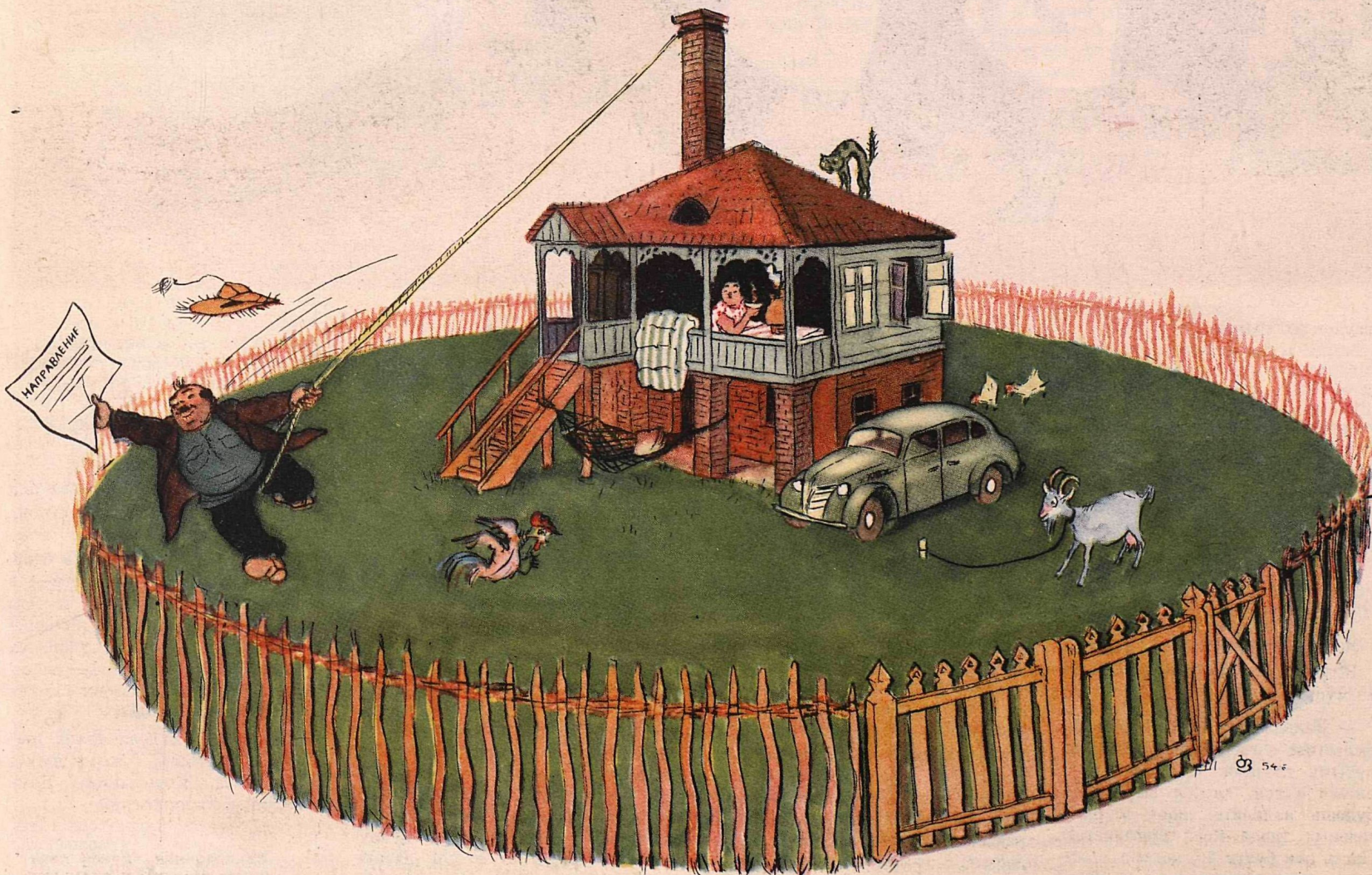
В мастерской, конечно, обрадовались. Решили: во-первых, работа пойдёт много скорее, а во-вторых, обойдётся, видимо, много дешевле.

Но, оказывается, в мастерской рано радовались: вскоре получен был от конторы «Мелиоводстрой» новый текст договора. По нему стоимость механического бурения определена в... 80 тысяч рублей, то есть увеличена в четыре раза.

Хитрая механика!

ГИГАНТСКИЕ ШАГИ АГРОНОМА

Рисунок Г. ПИРЦХАЛАВА (Тбилиси), присланный на конкурс Крокодила.

Вокруг да около.

Рисунок Ю. ГАНФА.

Бао Дай изменил ориентацию: с французского шампанского перешёл на американское виски.

Стефания ГРОДЗЕНСКАЯ

КАЧИСЛАВ МЫРБЫРКЫРСКИЙ

Я написала фельетон о хулигане. Встретила Квятковского. Он возмущён:

— Удивляюсь! Хулиган в твоём фельетоне — именно блондин с голубыми глазами. Не могу помириться с тем, что и впредь ты будешь наделять своих отвратительных типов моей внешностью. Пусть они будут брюнетами, шатенами, очень прошу тебя об этом!

Написала я о сплетнике.

Повстречался мне Ковальский. Он потрясён:

— Сплетник из твоего фельетона носит именно серый костюм и как раз держит собаку! Настоятельно прошу, чтобы ты не использовала мою особу в качестве модели для подобных отрицательных образов. Пусть они носят коричневые, синие костюмы, пусть держат, наконец, котов.

Я опубликовала фельетон о прогульщике.

Встречаю Домбровского. Он взбешён:

— Ну, знаешь! Сделать прогульщиком именно электротехника?! Разве моя профессия хуже других, что ты так её позоришь? Прогульщик мог бы быть маляром, трубчистом... Серьёзно прошу тебя учесть это пожелание.

Написала я фельетон о спекулянте.

Встретила Малиновского. Едва увидев меня, он словно подорвался на mine:

— Очень красиво с твоей стороны! Твой спекулянт носит как раз фамилию Малиновский. Прошу оградить меня от этого! Пусть будет Квятковский, Ковальский, Домбровский и Малиновский.

Тогда с отчаяния я написала фельетон, герой которого выглядел так:

«У этого подлого человека были зелёные волосы и апельсиновые в клеточку глаза. Носил он костюм краснокоричневого дикаря из папиросной бумаги и водил за собой на корде змею боа. По профессии он был крапатист. Звали его Качислав Мырбыркырский».

— Где она видела таких людей?! — согласно возмущались Квятковский, Ковальский, Домбровский и Малиновский.

Из сборника «Денёк сатирика». Перевёл с польского

А. ТИМАШЕВ.

В СТРАНЕ ПИРАМИД

Путевые заметки

Кажется, Бернард Шоу сказал, что, возможно, скоро во всём мире останутся только четыре короля в карточной колоде и один — на английском престоле.

Справедливость этих слов лишний раз подтвердил египетский монарх Фарук. Ему пришлось превратиться в экс-короля и убраться из своей страны, захватив восемьдесят чемоданов. Малолетний же наследник Фарука так и не вскарабкался на пустующий королевский трон. Недавно Египет был провозглашён республикой.

Об этой перемене говорят в Каире повсюду, в том числе и в отеле «Аравия», где остановилась советская спортивная делегация. Египтяне занимают твёрдую позицию в вопросе о выводе иностранных вооружённых сил из зоны Суэцкого канала. По-украински эту позицию можно выразить одним коротким словом «Геть!», по-русски — таким же коротким словом «Вон!»

Но пока что и англичане не ушли из Египта и непрощенных затлантических гостей здесь всё больше.

АНГЛИЙСКИЙ ЛЕНЧ И АМЕРИКАНСКАЯ КОКА-КОЛА

Отель «Аравия» — это большой пассажирский пароход, который когда-то плавал по Нилу, а теперь поставлен на вечный прикол и переоборудован в туристскую гостиницу. Ресторан размещён на верхней палубе, откуда виден весь Каир с его шумными улицами, утопающими в тропической зелени особняками и стройными радиофицированными башнями минаретов. Да, муэдзинам не нужно надирать горло, приглашая правоверных в мечеть. Ныне в их распоряжении микрофоны и мощные громкоговорители.

...Утром мы поднялись в ресторан, чтобы подкрепиться перед тренировкой. Нам подали английский ленч: крохотный пирожок и ломтик апельсина. Проглотив мизерную порцию этой снеди, наши тяжелоатлеты выжидательно посмотрели на официанта. Тот понимающе кивнул и притащил несколько бутылок американской кокаколы. Выяснилось, что ленч окончен. Труденько после такой заправки поднимать многопудовые штанги!

Конечно, наше питание удалось вскоре отрегулировать на отечественный манер. Но примечательно, что стандартный англо-американский завтрак не по вкусу египтянам. В том же ресторане сидел купец в европейском костюме и «тарбуше» — национальном головном уборе, напоминающем феску. Ему подали на подносике такой же тощий ленч с кока-колой, как и нам. Не говоря ни слова, купец взял поднос и лёгким движением отправил заморский рацион в мутные воды Нила. Затем, предупреждая протест официанта, бросил на стол фунтовый билет и что-то сказал сердитым тоном. Всленз зубами, официант убежал и вскоре вернулся с дымящейся чашкой ароматного кофе и каким-то восточным кушаньем.

Своё стремление к полной государственной самостоятельности египтяне подчёркивают при каждом удобном случае. В Каирском музее нам показали паицу одного из фараонов. На её утолщении были вырезаны изображения чужеземцев, изгнанных из страны.

— А теперь надо бы добавить к ним ещё два портрета, — доверительно подмигнул экскурсовод.

Нам почему-то показалось, что он имел в виду дядю Сама и Джона Буля.

Однажды я поинтересовался у старого

египетского спортсмена, как далеко ушли вверх по реке водившиеся возле самого Каира крокодилы.

— Откуда вы взяли, что они ушли по реке? — усмехнулся мой собеседник. — Крокодилы просто перебрались на крышу отеля «Семирамис».

Я уже знал, что на крыше этого фешенебельного отеля находится бар — излюбленное место встреч всевозможных американских советников и экспертов. Они буквально наводнили Каир после того, как Египту была навязана «помощь» США.

ПРИВЕТ МОСКВЕ!

Интерес ко всему советскому в Египте огромный. Инженер-ирригатор расспрашивает о наших новых каналах. Полицейский осведомляется, есть ли у нас арабские кони. Студент интересуется новинками советской литературы.

— А кого из наших писателей знают в Египте лучше всего? — спрашиваю я, в свою очередь.

— Максима Горького!

— Почему именно Горького? Что вы в нём цените?

— О! Этот писатель хорошо знал жизнь и думы египетской бедноты!

— Простите, но Максим Горький никогда не писал о египтянах.

— Ну и что ж! Бедняк всюду живёт и думает одинаково.

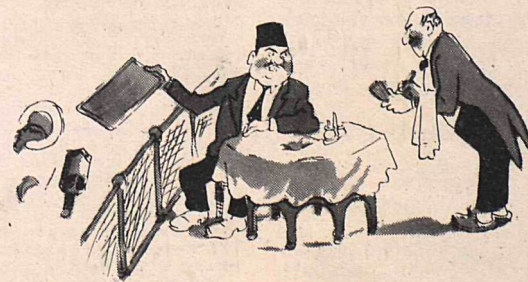
Наши выступления в Каире собрали тысячи зрителей. Публика выражала самые горячие симпатии Советской стране.

— Привет Москве! Да здравствует советско-египетская дружба! — неслось к нам со всех сторон.

Пресса восторженно отзывалась о спортивном мастерстве русских силачей.

У ПОДНОЖИЯ СФИНКСА

Побывав у пирамид, с высот которых смотрит уже сорок второй век, советские спортсмены остановились возле огромного сфинкса. Беседуем с египетским археологом.

— Вы спрашиваете, почему сфинкс без носа? Это всего лишь след забав солдат Наполеона, — с горькой улыбкой объясняет археолог. — Французы стреляли по сфинксу из пушек... Наверно, только потому, что не смогли увезти его с собой. Но сколько других наших национальных сокровищ перекочевало в Париж! А сколько их в музеях Лондона, Бостона, Чикаго!

Великие произведения древнейшего египетского искусства растаскивались по всему свету то в качестве военных трофеев, то в виде комиссионной оплаты за услуги иностранных археологов. Теперь египтяне ведут раскопки собственными силами.

Интересные попадаются находки! Не так давно в древних записках обнаружены, например, сведения о дневном пайке рабов, воздвигавших пирамиды. Оказалось, что питались рабы гораздо лучше современного малоземельного крестьянина — феллаха.

Четыре тысячелетия назад при постройках пирамид применялись гидравлические приспособления. Теперь же на строительных работах в Каире предпочитают ручной труд — самый дешёвый. На собственном горбу таскают рабочие тяжёлые кирпичи и балки, напевая что-то тягучее, однотонное... Наверно, египетскую «Дубинушку».

ВСТРЕЧА В ПУСТЫНЕ

Автобус мчится по узкой асфальтированной ленте, протянутой через Ливийскую пустыню, ближайшую соседку Сахары. Мы едем в Александрию.

Бесконечные песчаные волны тянутся до самого горизонта, и только изредка промаячит где-то вдали силуэт кочевника-бедуина на верблюде. Однако реклама проникла и в пустыню. «Пейте кока-колу!», «Пейте пепси-колу!» — взывают пёстрые плакаты. Как же, только и нужна бедуинам припахивающая аптекой американская водица!

Новый рекламный щит: огромная шина и надпись «Каждый может иметь автомобиль». Каждый ли? Уж не станут ли покупать лимузины бедняки-феллахи, питающиеся хуже фараоновых рабов?

На полпути до Александрии мы хотели немного отдохнуть в придорожной гостинице, но она оказалась оккупированной американскими туристами, едущими в Каир. Их ни много, ни мало семьсот человек. Цельный десант!

Кстати сказать, американская экспансия не раз начиналась с мнимого интереса к историческим памятникам и ландшафтам чужих стран...

МУНДИРЫ КОРОЛЯ ФАРУКА

Наши встречи с талантливыми египетскими штангистами представляли особенно большой спортивный интерес. Во время дружеских состязаний атлетов в Александрии советскому силачу Рафаэлю Чимишкяну удалось установить новый мировой рекорд. Что тут поднялось в зале! Героем дня устроили овацию, которую местным судьям также пришлось признать рекордной.

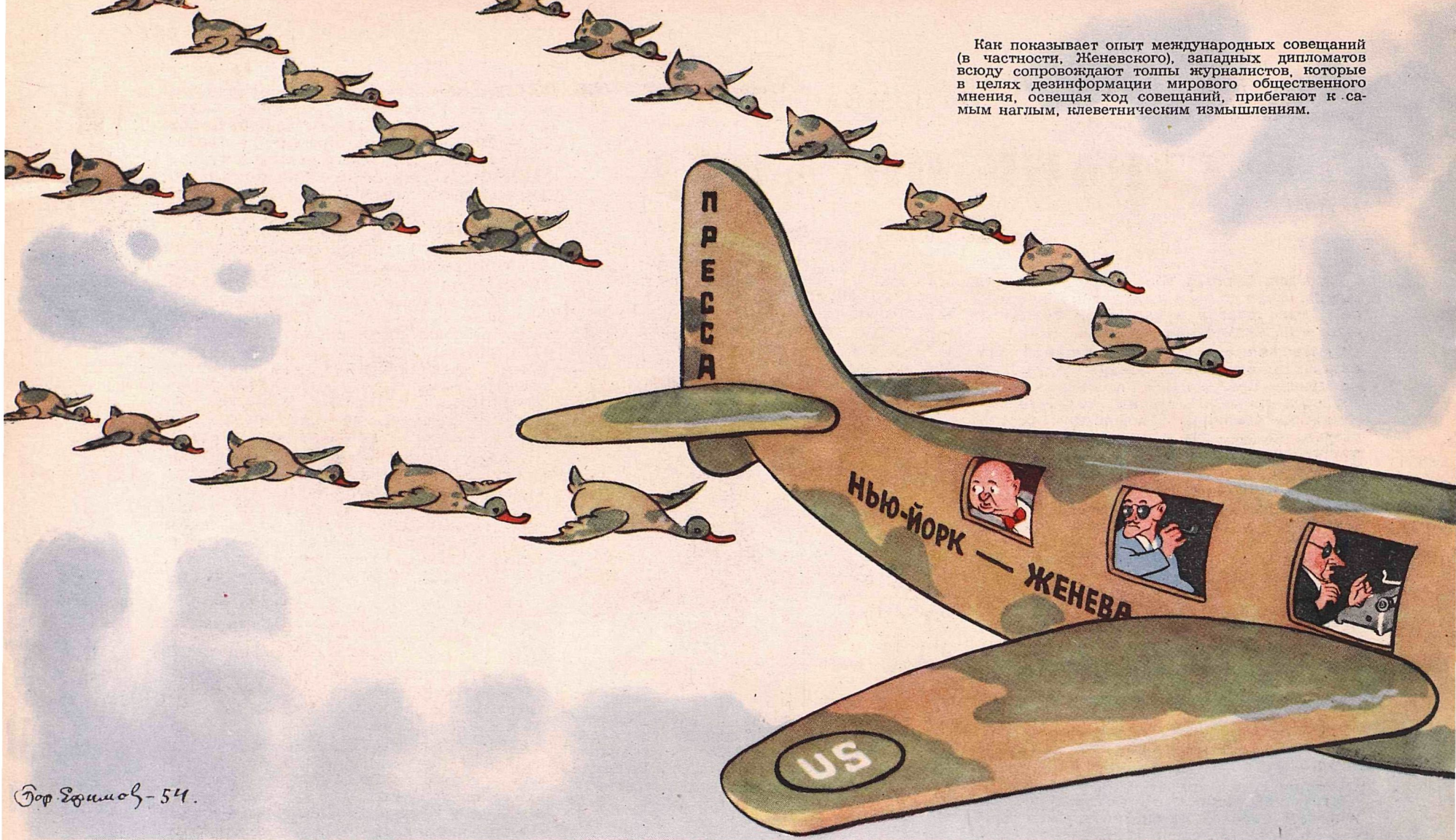
...Белой нарядной полосой лежит Александрия на берегу Средиземного моря. Её называют второй столицей Египта. В самое знойное время года сюда переезжают все каирские толстосумы. Находилась здесь и летняя резиденция короля Фарука, превращённая ныне в музей.

Побывали мы в гардеробной Фарука, где увидели сорок мундиров последнего монарха. Здесь были парадные формы чуть ли не всех полков вооружённых сил Египта. Поблескивая галунами, висят тут и мундиры английской, французской, итальянской и других иностранных армий.

Мы покидали Александрию, искренне желая египетскому народу, чтобы эти музейные экспонаты поскорее остались единственными чужеземными мундирами в его прекрасной стране.

Как показывает опыт международных совещаний (в частности, Женевского), западных дипломатов всюду сопровождают толпы журналистов, которые в целях дезинформации мирового общественного мнения, освещая ход совещаний, прибегают к самым наглым, клеветническим измышлениям.

Бор Ефимов - 54.

Рисунок Б. ЕФИМОВА.

ПРИСТРОИЛИСЬ

— Сэр! Вам не кажется, что они нас сильно компрометируют?..

На коммерческие темы

СНЯТИЕ ОСТАТКОВ

Одиннадцать миллиардов крон — такой суммой оценивается ущерб, понесённый датским народом в годы гитлеровской оккупации. Сто пятьдесят миллионов крон — стоимость германской собственности, которую отважились конфисковать датские власти. Оттяпали, так сказать, одну семьдесят третью часть убытков.

Правительственные комиссары, коим было поручено проводить конфискацию предприятий сподвижников Гитлера, с первых же шагов проявили завидное рвение (однако в обратном направлении). Они с такой готовностью удовлетворяли наглые требования владельцев сохранить их собственность, что число ободрённых такой снисходительностью фашистов быстро перевалило за пять тысяч. Целая армия для такой маленькой страны!

Тем не менее полностью сорвать закон о конфискации так и не удалось. Кое-что было всё же объявлено собственностью датского государства.

— О! — воскликнули хором владельцы предприятий «И. Г. Фарбен-индустри», «Осрам» и многих других. — Наши датские фирмы теперь находятся в надёжных руках. Мы более чем спокойны за их судьбу.

— Вы ещё хватите горя с моим имуществом, — пообещал рурский магнат Стиннес комиссарам.

— Верните нам всё с поклоном! — вторил его собрат магнат Франц Ханиэль.

Оба они стали пророками в чужом отечестве. Через дочернее предприятие в Нью-Йорке возвратил в лоно своей промышленной империи фирму «КККК» («Копенгагенс Куль ог Кокс Компани») Стиннес. Вновь заключил в свои объятия «КБК» («Копенгагенскую топливную компанию») Франц Ханиэль. Далее всё пошло как по маслу. Через свои филиалы в Швейцарии, Западной Германии, Соединённых Штатах вчерашние грабители Дании сегодня нажимают на датское правительство. Только успевай поворачиваться!

— Вам что? Ах, фирму «Персиль»? Пожалуйста! Не забудьте подписать акты о сдаче-приёмке. Покорнейше благодарим...

— Вы по поводу фирмы «Прима кульимпорт»? Может быть, договоримся о компенсации? Ах, не желаете... Сейчас оформим! Просим извинения за минутную задержку.

— Алло! — кричит в трубку некто рангом выше. — Управление конфискованным имуществом? Срочно готовьте списки! Будем снимать остатки!

К. СЕРГЕЕВ

ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ В БОННЕ

Выдержка из стенограммы

— ...Итак, господа журналисты, от имени федерального правительства я должен заявить, что мы воссоздаём вооружённые силы в Западной Германии только для защиты идеалов свободы и демократии и только под давлением энтузиазма широких масс населения, стремящихся к защите этих идеалов...

— Извините, перебью вас! А как насчёт сообщения «Вестдейчес таге-блатт»? Ещё первого апреля газета писала, что в составе воссоздаваемого вермахта будут «особые части по образцу штрафных батальонов гитлеровского вермахта». По словам газеты, они будут формироваться из рекрутов, «которые не желают сражаться». Надеюсь, это не перво-апрельская шутка? (О живление среди присутствующих.)

— Да, господа, такие особые части создаются, и мне кажется, что это одно из лучших доказательств нашей демократичности: каждый боеспособный немец имеет свободный выбор: либо обычный батальон либо штрафной.

Сказка про белого бычка

Вопрос о том, почему во Франции цены на товары упрямо устремляются к вершине Эйфелевой башни, не сходит со страниц прессы.

Здесь «мы попали в заколдованный круг», пишет «Фигаро». По мнению газеты, рабочие хотят получать более высокую заработную плату потому, что дороги товары, а товары, в свою очередь, дороги потому, что высоки издержки производства. «Это сказка о курице и яйце», — философски заключает «Фигаро». Иными словами, газета хочет сказать, что в вопросе о дороговизне так же трудно разобраться, как в том, что вначале появилось на свет — яйцо или курица. Хотя давно известно, что эта сказка не стоит и выведенного яйца.

Однако трудящимся Франции она напоминает скорее бесконечную сказку про белого бычка. Они давно поняли, в чём истинная причина дороговизны. Кто-то, а французы знают, сколько триллионов потрачено на милитаризацию страны, на грязную войну в Индо-Китае!

Да что там говорить! По сведениям американского журнала «Ньюсуик», только «содержание Бао Дая, этого весельчака во главе государства, обходится французским (и американским) налогоплательщикам примерно в 9 000 000 долларов ежегодно». А журнал «Крайсис» прямо предсказал, что если этой королевствующей особе придётся рано или поздно бежать, «подобно многим другим политическим фигурам», то он «никогда не будет голодать». Ибо, согласно официальным данным, сей дальновидный правитель со своею императрицей ещё в 1949 году «перевели в Европу 176 миллионов франков (полмиллиона долларов), купили себе роскошную виллу в Каннах и поместье в Бельгийском Конго».

Короче говоря, пока не будет прекращена грязная война в Индо-Китае, вопрос о том, почему цены во Франции упрямо устремляются к вершине Эйфелевой башни, не сойдёт со страниц французской прессы.

«ИЗЪЯТИЕ БЮРОКРАТИЗМА»

В один прекрасный день Деонида Прокофьевича Ветошкина осенила светлая мысль, что вверенные ему Управление связи и предприятия связи Коми АССР должны работать хорошо, а не плохо. Потрудившись до седьмого пота, Деонид Прокофьевич воплотил эту новаторскую идею в строки пространного документа.

Последняя точка оказалась поставленной уже на исходе дня, когда заслуженный отдых был совсем близок. И всё же, как человек долга, тов. Ветошкин решил тут же ознакомить сотрудников с плодами своего творчества. Никого не отпустили домой, всех собрали в одном кабинете.

Начальник управления начал чтение:

«Намечаются следующие мероприятия по вопросам сокращения служебной переписки *изъятия* волокиты и бюрократизма и улучшения работы...»

Не дав слушателям опомниться от оригинальной терминологии, Деонид Прокофьевич перечитал скороговоркой, что именно нужно сделать. С целью сокращения служебной переписки он предложил завязать оживлённую переписку со всеми конторами связи, для начала послав:

- а) утверждённые совещанием «мероприятия по изъятию волокиты»;
- б) запросы о том, как они выполняются;
- в) табели представления отчётности и срочных донесений;
- г) запросы о том, как эти табели хранятся и выполняются.

К полуночи рядом мощных словесных ударов бюрократизм и волокита были в основном выведены из строя, но говорильня всё ещё продолжалась.

Пробило два часа. Комната плавала в сизом дыму, и круги, такие же сизые, ходили перед глазами связистов.

Видимо, вследствие некоторой переутомлённости участники совещания не могли вникнуть в смысл последнего пункта «мероприятий».

«В целях резкого сокращения телеграфной переписки, каждому руководителю построить свою работу с учётом перспектив развития средств связи и качества обслуживания (работать с перспективой, а не сегодняшним днём)».

Удивлённый непонятливостью своих соратников, тов. Ветошкин решил закрыть совещание. Кого-то отпавляли валерьянкой, кто-то поливал голову холодной водой...

...Ветошкин возвращался домой, шатаясь от усталости, но с радостным чувством исполненного служебного долга. Бюрократизма и волокиты в органах связи республики больше не существовало!

Б. РОМАНОВ

ИЗ ГОРОДСКОЙ ХРОНИКИ

Рисунок А. КРЫЛОВА.

Лишь один человек внёс свежую струю в вопросы благоустройства.

НА МАЛЕНЬКОЙ СТАНЦИИ

На Балтийской дороге вагоны-лавки не всегда имеют нужный ассортимент товаров.

Рисунок Л. ГЕНЧА.

По теме Ф. Сигова (Рига), присланной на конкурс Крокодила.

- Товарищ заведующий, подвези до города!
- А зачем тебе?
- Продуктов купить...

Б. БРЯНСКИЙ и Л. КУКСО

Согласователь

Один ответработник
страстно
Совету каждого внимал,
Так как весьма своеобразно
Коллегиальность понимал.
И каждый день он с кипой дел
На совещание летел.
Поспев к назначенному часу,
Разложит списки на столе
И выдвинет вопросов массу
Весьма различных,
в том числе
Вопрос: где вешать диаграммы,
Когда замазать окон рамы,
Какую именно рассаду
В горшки сажать на окнах надо,
Когда,
кого
и с чем поздравить,
Командированных отправить
Простым плакатным иль в купе
И в этом роде,
и т. п.
Перед ответственностью личной
Ежеминутно трепеща,
Он все вопросы энергично
Решит, но...
только сообща.
И поведение такое —
Гарантия его покоя.
Случись успех, он так заявит:
— Инициатором был я ведь!
Но скажет в случае провала:
— Коллегия голосовала!

ИСТОРИЯ ОДНОГО ДВОРЦА

Каждый дворец имеет свою историю, начиная с зарождения проекта и кончая тем моментом, когда он предстаёт во всём своём завершённом величии.

Архитектор Старов строил Таврический дворец пять лет. Дворец родился в предельно сжатые сроки и получился отменным красавцем. Зодчий Бренна соорудил Михайловский замок в три года, Россия создал Елагинский дворец в четыре года, а Александринский театр (дворец искусств) — в пять лет.

Что касается санатория пищевиков в городе Сочи (официально строительство именуется дворцовым), то его зачатие произошло в тридцать восьмом году текущего столетия при участии Ленпищепромпроекта в трёх лицах: управляющий Зозуля, главный инженер Андресен и архитектор Тамара Давыдовна Каценеленбоген.

За три довоенных года (во время войны стройка была временно приостановлена) заложили фундамент и воздвигли стены левого спального корпуса...

После войны снова приступили к строительству санатория. Поначалу он был задуман довольно скромно, не дороже 29 миллионов рублей. Но вдруг оказалось, что пищевикум необходим санаторий-люкс (в переводе на русский язык — «особая роскошь»). Тогда перепроектировали под особую роскошь, и стоимость возросла до 47 миллионов.

Мы не знаем, была ли у Баженова и Воронихина такая особая роскошь, как директоры дворцовых строений. Может быть, была, а может быть, и нет. Что касается дворца-санатория, то директором его стройки в 1949 году был назначен Любич. И хотя ровно через год сочинский

горком партии и высказался за то, чтобы снять Любича с работы за неблагоприятные поступки, однако тогдашнее Министерство пищевой промышленности СССР не только не сняло Любича, но утвердило ему персональный оклад.

Очевидно, в Москве пришли к выводу, что сочинский Любич заслуживает персонального оклада. Ведь он как-никак представитель заказчика-министерства, беспристрастный и бесстрастный летописец событий на строительстве санатория-люкса, где за восемь лет сменилось восемь начальников строительства. Одного из начальников, Ермака, сняли и судили. Троицкого, хоть он предусмотрительно и уволился по собственному желанию и уехал, привезли обратно и тоже судили. Козловского, противника механизации и подготовки строительных кадров, чтоб не получилось конфуза, поспешно перевели в строительный трест. Антипова (7-й по счёту начальник) перебрали в аппарат треста, понизив в должности...

Бесстрастно взирает летописец Любич и на то, как каждый новый начальник стройки валит все беды на предшественника. Ермак был сильно привержен к спиритному — колонны у него пошли набекрень: «Правая, левая где сторона? Колонна, колонна, видать, ты пьяна...» А Троицкому и Козловскому было не до вытрезвления пьяных колонн: у них оползни оказались одно выше другого, оползни замучили (этакая проклятая почва, так и ползёт из-под ног!), дверные коробки, заказанные в Риге, не влезали в проёмы... То ли чужие ошибки исправлять, то ли собственные наспех замазывать, что ты будешь делать?

А делать и переделывать приходилось

НА ОКРАИНЕ, ГДЕ-ТО...

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО.

В некоторых городах органы милиции всё ещё слабо борются с хулиганами.

— Перестаньте, начальник идёт, вам ничего не будет, а мне попадёт!

немало. Даже новая профессия образовалась — «рубщики». Круглый день рубят, крошат, долбят «рубщики» то, что было уже построено и оплачено: оббивают лепные карнизы, прорубают готовые стены, передвигают колонны, забредшие по воле хмельного Ермака не на свои места. На полу валяются разбитые плафонные украшения. Строители обижаются, и не зря, на архитектора: «Дефектная документация!» Некоторые говорят прозе: «Не проект, а филькина грамота».

А Тамара Давыдовна не принимает фильку на свой счёт и ругает строителей: «Они всё врут! Не знаю, что строили наши строители, может быть, склады или сараи. Не им возводить дворцы!»

Впрочем, надо отдать должное автору проекта Каценеленбоген, она самокритична: «Кривые стены выпирают наружу. Когда вся масса стояла в бетоне, нельзя было представить себе этих ошибок. Лично моя большая ошибка — это башни».

Башнями Тамара Давыдовна поэтически называет два комода на самой верхушке здания. У этих комодов есть практическое применение: они являются запасными резервуарами для воды. Но так ли уж было необходимо скромными резервуарами венчать дворец? На Эрмитаже комодов нет, на Александринском театре тоже нет, а у Тамары Давыдовны есть.

Рядом с комодами — четыре скульптурные группы, изображающие колхозниц с фруктами. Но если взглянуть несколько сбоку, то колхозницы сбиваются в толпу, и получается уже не скульптурный шедевр, а базар. Разумеется, никто против колхозного базара возражать не станет, а тем более пищевики, но тогда, когда он на рыночной площади, а не на крыше дворца.

Что касается водопроводных труб, металлическими кишками свисающих со стен здания и безобразящих фасад, то у Тамары Давыдовны на этот счёт своё мнение: «В Ленинграде Казанский собор тоже с трубами. Они потускнеют, будет ничего».

Кессонный, дорогостоящий потолок в столовом зале был уже закончен точно по проекту, когда Тамара Давыдовна поняла — не тот потолок: уводит зал в поднебесье. И потолок было приказано оббить и переделать под роспись. Как банк будет оплачивать один и тот же потолок два раза, архитектора не интересует.

— Крышу я тоже буду снимать, — спокойно говорит Тамара Давыдовна, как будто речь идёт о соломенной шляпке, а не о дворцовой крыше.

В решениях архитектора Каценеленбоген лёгкость вообще хореографическая. И нет ей дела до соревнования бригад лепщиков, штукатуров, бетонщиков, выполняющих план на 180—200 процентов. Тамара Давыдовна настойчиво повторяет: «Переделать, разбить, сломать!»

И вот результаты: из-за дефектности проекта, брака, бесхозяйственности и злоупотреблений государство потеряло убытку на семь с половиной миллионов рублей...

Семь с половиной миллионов рублей утекли в прорву бесхозяйственности всего за пять лет!

Нынешний начальник строительства Струк так прямо и предлагает:

— Нужно поехать в Москву, в Министерство промышленности продовольственных товаров, и честно сознаться во всём. Нельзя обманывать государство!

Но руководители Сочпродстроя, в чьём ведении находится строительство, архитектор Каценеленбоген и директор Любич, видимо, другого мнения: сознаться не надо, авось, кривая вывезет...

Но кривая никогда не вывозила на прямую дорогу. А тут ещё такой груз, как санаторий-люкс, и такие палки в колёсах, как миллионные убытки... Не вывезет кривая. Придётся сознаться и, по всей вероятности, отвечать.

Варвара КАРБОВСКАЯ,
Леонид СОРОКИН

г. Сочи.

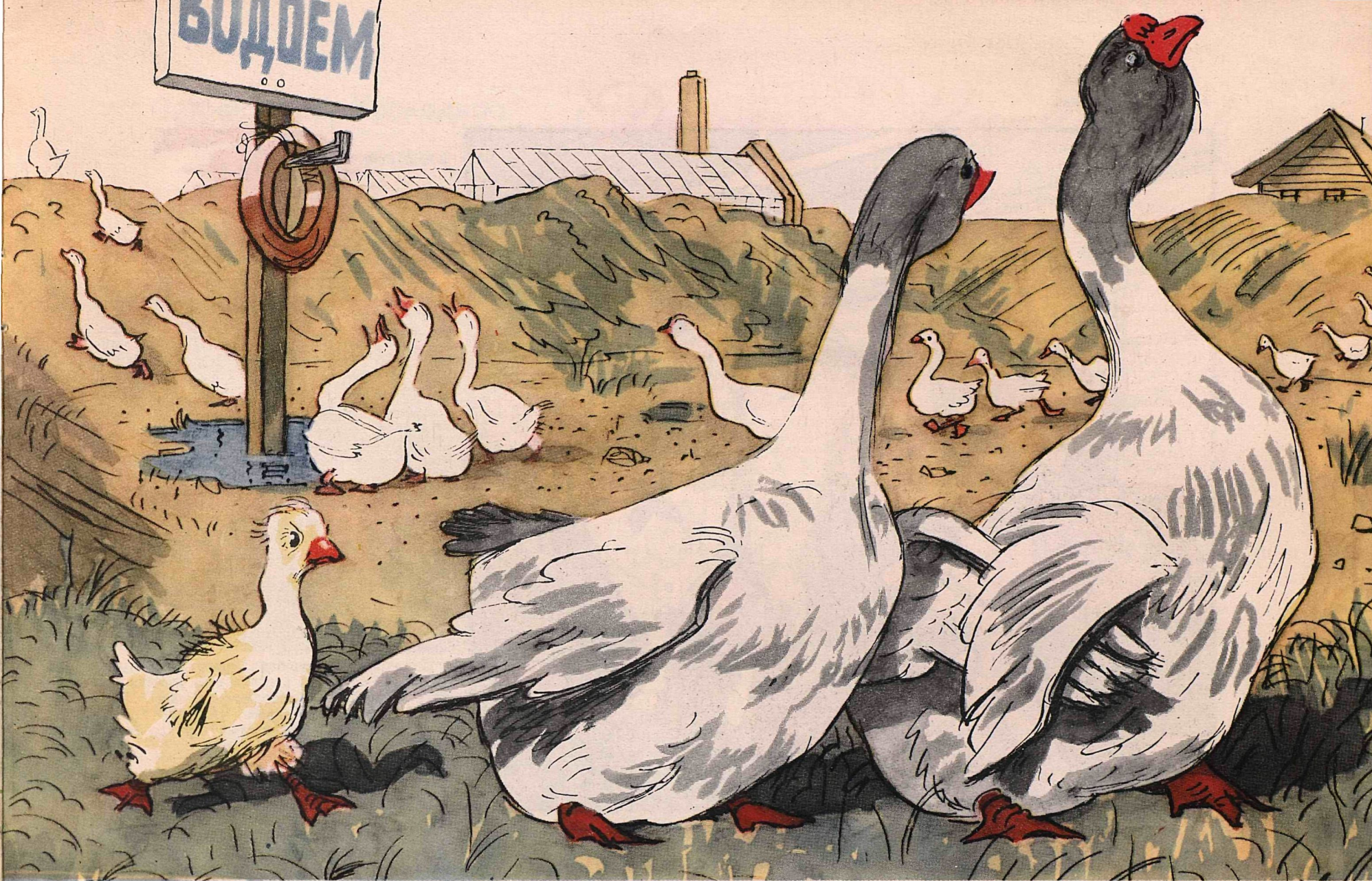

Рисунок А. КАНЕВСКОГО.

ГУСИ: — Ну вот, мы опять сухими из воды вышли...

С легким паром!

РАССКАЗ ПЕНСИОНЕРА ДМИТРИЯ БОГАЧЁВА

Люблю я в субботний вечер позабавиться банькой. Попаришься да похлещешь себя веничком — и чувствуешь, будто помолодел лет на десять. Вдыхаешь полной грудью, на душе лучезарно, как в майское утро...

..Рублю я как-то дровишки на растопку, подходит управдом Антипыч.

— Не трудись, — говорит, — Дмитрий Иваныч! Хватит тебе с дровяной колонкой возиться. Газовую поставим.

— Мне? — недоумеваю. — За какие ж такие заслуги?

— Не одному тебе, — отвечает. — И другим поставим. Весь дом оборудуем газом.

Гляжу, правду молвит Антипыч, во двор везут газовые колонки. Аккуратные такие, беленькие. Любо-дорого посмотреть! Хлопцы в синих комбинезонах берут по одной и разносят по квартирам. Я бросаю топор, распаиваю двери: «Милости прошу, дорогие гости! Может, чайку отведаете?» «Спасибо, — говорят, — отец, торопимся. Эвон домище какой, квартир сто, пожалуй, наберётся. А до Октябрьских праздников неделя осталась».

Добрые хлопчики попали, мастеровые. Очень ловко своротили они дровяную колонку. Вместо неё установили газовую. Потом чиркнули спичку, пых — и загудело. Горячая вода хлынула в ванну. «Пожалуйста, отец, баня готова!». Собрали свой инструмент и ушли. Я говорю своей старухе: «Ну, Лукерья, живи — не тужи. Каждый день теперь можно париться».

Сказал так и, должно быть, сглазил. Над домом нашим поднялась грозовая туча. Лежу я однажды в ванне, вдруг как забарабанят в дверь. У меня аж внутри что-то ёкнуло.

— Открывай, старина!

— Это кому ж так приспичило? — спрашиваю.

— Пожарники мы!

Я как шарахнусь из ванны. Руки-ноги затряслись. Выскакиваю в коридор, а они — трое здоровенных детин:

— Го-го-го! Ха-ха-ха! Перепугался, папаша?! Ничего особенного не стряслось. Нам только пломбочку повесить на колонку.

— Это для чего ж? — спрашиваю я обиженно.

— Не велено зажигать! Дымовая разделка не подходяща.

Опутали колонку проволокой, подвесили пломбу и, щёлкнув щипцами, пригрозили:

— Ежели сорвёшь, оштрафуем!

Разгневанный, я накинул куртку и побежал к начальнику городской газотехнической инспекции Максиму Максимовичу Левину. Прибегаю: ба, полон коридор народу! И всё наши: Иван Семёныч, Алексей Петрович, Олег Давыдыч, Виктор Николаич, Наталья Павловна... Оказывается, все колонки в нашем доме опечатали...

Левин сочувственно выслушал нас, развёл руками и молвил:

— Жалоба ваша, граждане, вполне основательна. Но горизонтальная разделка ваших дымоходов не соответствует инструкции. Не хватает семи с половиной сантиметров.

Мы начали настаивать на своём требовании. Тогда собралась комиссия из представителей треста «Саргогаз», жилищного управления и газовой инспекции. Пригласили пожарников.

— Ну как, братцы, ваше просвещённое мнение? — обратился начальник конторы газовых сетей Иван Иванович Чернобровкин к пожарникам. — Вспыхнет или не вспыхнет?

— Да навряд ли! — заговорили нескладно представители в медных касках. — Дом каменный, дымоходы каменные. С чего бы ему вспыхивать? Кажись, зря повесили пломбы!

— А вдруг вспыхнет! — горячо перебивает их Левин. — Отдуться не вам, а мне...

«Дело о доме № 11 по Коммунарной площади» переходит в Саратовский горсовет. Там снова начинают консультироваться с газовщиками, пожарниками, инспекторами: вспыхнет или не вспыхнет?

...Прошла осень. Минула зима. Настала весна-красна. В горсовете продолжают консультироваться.

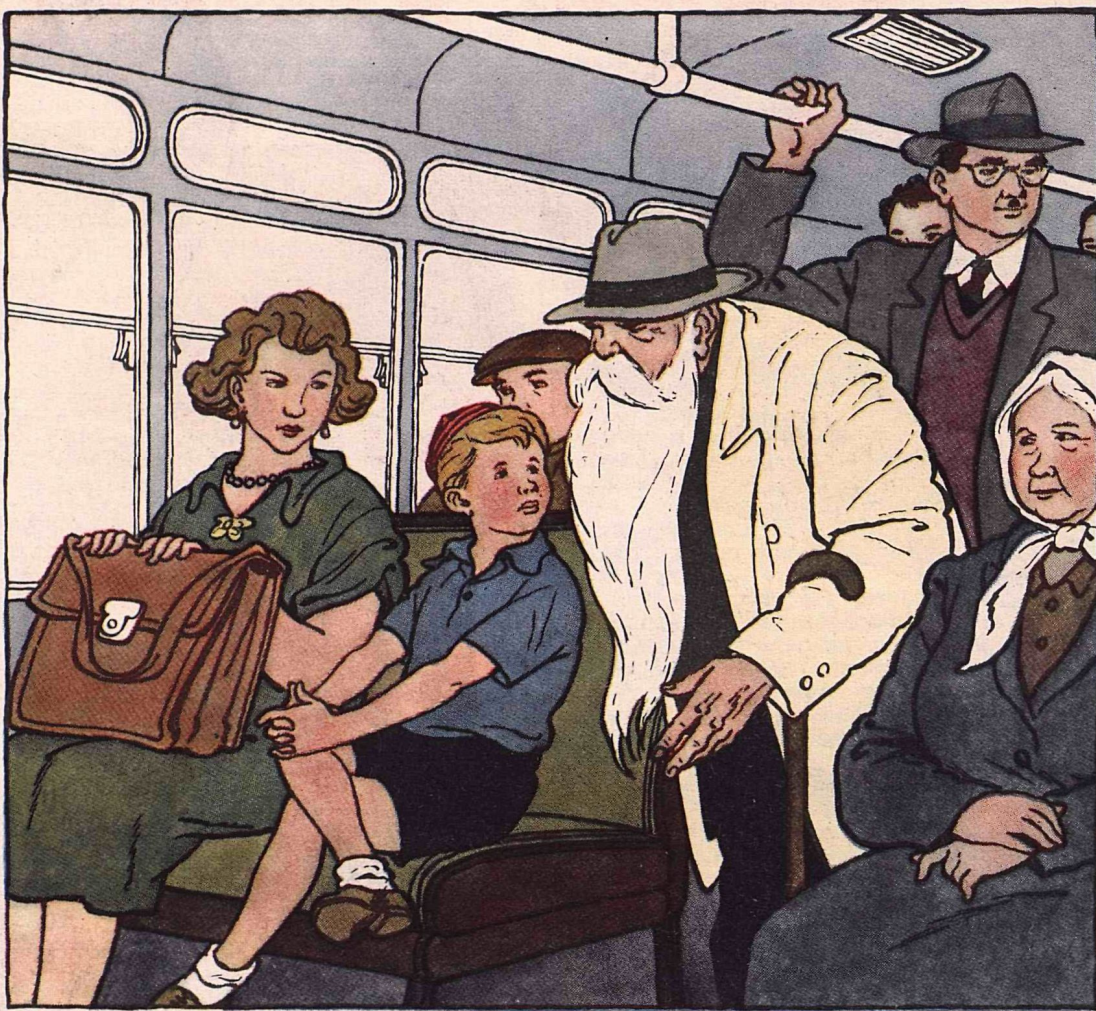
— Долго ли ещё ждать нам банного дня? — спросили мы вчера тов. Левина.

— А вы и не ждите! Волга — вон она, рукой подать. Температура воды 23 градуса. Мойтесь на здоровье...

— С лёгким паром, друзья!

Записал Н. ВОРОБЬЕВ.

г. Саратов.

— Уважайте возраст! Уступите место...

— Уважайте возраст! Уступите место...

ВИЛЫ В БОК

АДРЕС НЕИЗВЕСТЕН

Адрес на конверте гласил: «Туркменская ССР, гор. Сталин-Абад, Главное Управление радиотелевизионной информации Мин. К-ры Азерб. ССР». Спрашивается: куда же было адресовано письмо? И с каких пор Сталинабад переместился из Таджикистана в Туркмению, а Министерство культуры Азербайджанской ССР переехало из города Баку в переместившийся Сталинабад?

Очевидно, почтовые работники города Фрунзе не утруждали себя такими сложными и мучительными вопросами. Они спокойно приняли это письмо и отправили его заказной авиапочтой в «Таджикрадио», где по сему поводу только руками развели.

Интересно, о чём думал пока ещё неизвестный персонаж из Главного управления радиотелевизионной информации Киргизской ССР, славая на почту заказное письмо, точнее, срочный пакет с важными документами?

Полагая, что подобная «работа» заслуживает широкой (хотя и печальной) известности, мы намеревались воспроизвести здесь фотоснимок загадочного адреса. Но увы! Грязно-жёлтая бумага и водянистые чернила оказались на редкость нефотогеничными...

ГОЛОВОЛОМКА С СОСКАМИ

По последней переписи, в селе Сюкеево, Камско-Устьинского района (Татария), населения, в том числе и грудных младенцев, всего 1912 человек.

Спрашивается: сколько необходимо завезти сосок в магазин местного сельпо, чтобы полностью удовлетворить потребность сюкеевских граждан в сосках?

Приславшие правильный ответ будут премированы лезвиями для бритья в неограниченном количестве.

К решению этой головоломки допускаются все читатели Крокодила, за исключением руководителей Буинской базы потребительской кооперации. Дело в том, что дирекция базы уже давно своеобразно решила эту задачу и завезла в Сюкеевское сельпо полмиллиона (пятьсот тысяч) сосок и двести семьдесят тысяч лезвий для бритья.

БЕЗ ЦЕРЕМОНИЙ

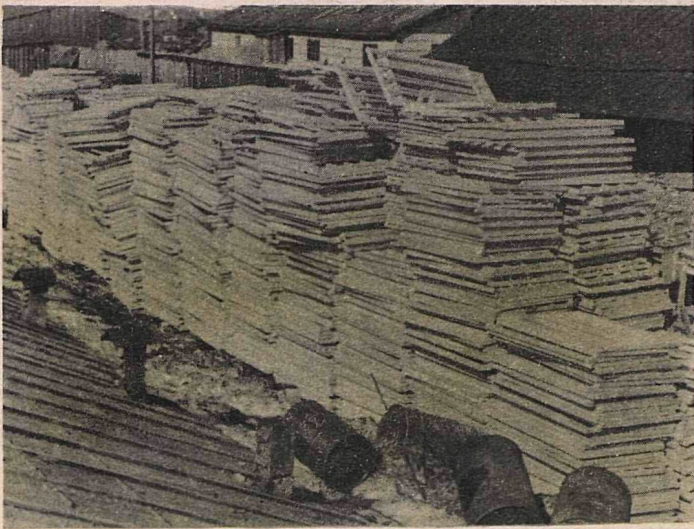
Странные люди работают в Заргарской МТС Таджикской ССР! Едва закончат трудовой день, как сразу же норовят отдохнуть, культурно развлечься. Никакой у них любви к заседаниям, никакого желания собраться вечером и поговорить, не стесняясь регламентом, о всяких полезных вещах. А если уж соберутся, то стремятся поскорей кончить. Лишь изредка удаётся задержать их до часу ночи.

Мучимый нерадивостью своих подчинённых в отношении собраний и заседаний, директор МТС тов. Ястарзон решил принять крутые меры. С этой целью 6 мая он возвестил приказом, что отныне совещания председателей колхозов с полеводцами, агрономами и бригадными механиками будут проводиться **ежедневно** и, конечно, в нерабочее время. Приказ особо предупредил, что «неприсутствие на совещаниях будет рассматриваться как уклонение от служебных обязанностей». Этим пунктом все попытки специалистов МТС предаваться праздному времяпрепровождению после работы заранее пресекались. Заодно автор приказа пресекает и действие некоторых советских законов. Но, надо полагать, ненадолго.

Фотовитрина Крокодила

ВЕСЕННЯЯ КАРТИНКА

«Весна, выставляется первая рама...» — так воспел поэт в своё время весну. Вздумай поэт в наши дни посетить Главное управление материально-технического снабжения Министерства сельского хозяйства Карело-Финской ССР, его поэтическое воображение поразила бы совсем иная картина.

Несмотря на то, что в этом почтенном учреждении о наступлении весны прекрасно известно, вопрос о рамах не взволновал никого, даже начальника Главного управления тов. Тароева. Все восемь тысяч парниковых рам, в которых так нуждаются колхозные хозяйства республики, лежат недвижимо — не вставляются, не выставляются, только пылятся да коробятся.

ПЛЕЦУТ ХОЛОДНЫЕ ВОЛНЫ...

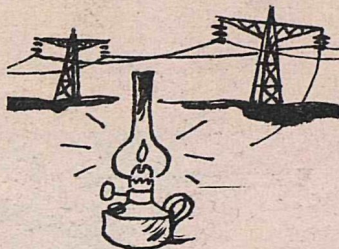
Это не Венеция. Это город Рубцовск, Алтайского края. Весна в Рубцовске! Как поэтичен и живописен вид этой улицы! Фундаментальный забор окаймляет заполненный мутными и глубокими водами естественный бассейн. Картинно раскинули свои ветви над водной гладью могучие деревья. По поверхности скользит быстрокрылая ладья... Однако жители Рубцовска, видимо, не понимают пленительной красоты своего города. Вместо того, чтобы восхищаться улицами, залитыми вешними водами, они с тоской отмечают: «И в этом году председатель нашего горисполкома Сидоренко с благоустройством города сел в лужу...»

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

Дорогой Крокодил!

УВАЖАЕМЫЙ КРОКОДИЛ!

Хочется на твоих страницах осветить вопрос об отсутствии электрического освещения в селе Боровое. Вот уже девять лет прошло с того дня, как провели свет на станцию Сомово. Для того, чтобы дотянуть линию до нашего села, требуется всего 200—300 метров электропровода, но дело до сих пор не сдвинулось ни на один миллиметр. Говорят, что провод зацепился за какую-то закорючку — за чью-то недостающую визу. Кто его знает, может быть, это и не так... Как говорится, «темна вода во облацех», а вместе с тем темно и в селе Боровом. В сентябре прошлого года об этом писалось в областной газете «Коммуна», но ни областные, ни районные власти не откликнулись на заметку. Дескать, стоит ли обращать внимание на такую мелочь, как 200—300 метров провода!

Приближается десятилетний юбилей нашего ожидания. Но нам хотелось бы избежать этого пышного празднества. Надеемся, что и без юбилейных торжеств в домах и на улицах нашего села вспыхнет, наконец, иллюминация.

А. БРИЛЛИАНТОВ

с. Боровое,
Воронежская область.

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

Посылаю тебе 22 телеграммы и 3 письма. Все они по одному вопросу — об отгрузке нашему заводу одного вагона мела. Чтобы тебе легко было во всём разобраться, разьясняю незнакомые фамилии и непонятные иероглифы, встречающиеся в переписке.

ЦТВР — это Центральное управление вагоноремонтными заводами Министерства путей сообщения. Бесценный, Махоткин и Сычёв — заместители начальника этого управления, наши, можно сказать, шефы и попечители.

ЦУСТРОМ, НСТРОМ — это Управление предприятий строительных материалов Министерства путей сообщения и его местные тресты. Мэнн — это заместитель начальника главка, Дерябин — начальник уральского треста, Сыкало — начальник Приволжского треста, Валентинович — заместитель

начальника отдела сбыта Приволжского треста.

Видишь, сколько людей около года занималось вопросом об отгрузке нам одного вагона мела! Но в этой обширной переписке ты напрасно будешь искать двадцать шестой бумаги — письма или те-

леграммы об отгрузке злополучного вагона мела. Поэтому-то и посылаю всю переписку тебе. Найди, пожалуйста, ей применение.

А. КАТАНАКОВ,
секретарь партбюро
вагоноремонтного завода.

ст. Анжерка, Томской дороги.

ОТ КРОКОДИЛА: Подтверждаю получение 22 телеграмм и 3 писем. Переписка находится в редакции и открыта для всеобщего обозрения. Для организованных экскурсий работников Министерства путей сообщения вход вне всякой очереди.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Зная твою отзывчивость, посылаю тебе сигнал бедствия и молим о помощи. Вконец замучили нас, бедных, вольные дочери эфира — радиogramмы Азово-Черноморского рыбного треста. Только за одну декаду прилетело их восемь сотен, и каждая требует всевозможных сводок, обзоров, анкет. Пожалуй, не всякой рыбе удастся метать столько икры, сколько вопросов и запросов каждый день придумывают не в меру любознательные трестовские работники.

Учти же трагическое наше положение, дорогой Крокодил! Попытайся, пожалуйста, втолковать руководителям треста, что основное назначение нашего рыбного завода не массовый выпуск отчётности, а разделка и приготовление рыбы. Не мешало бы и на это оставить нам немножко времени.

А. КИСЕЛЕВ,
П. ТАТАРЧЕНКО,
работники Адлерского
рыбозавода.

г. Адлер.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, В. Я. КОНОВАЛОВ, И. В. КОСТЮКОВ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. А. РЯБОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во „Правда“. Адрес ред.: Москва, Д-47, ул. „Правды“, 24. Тел. Д 3-31-37, Д 3-33-47. Приём ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

Москва.

Изд. № 430.

Подписано к печати 21/V 1954 г.

Формат бум. 70 × 108¹/₂.

1 бум. л. — 2,74 печ. л.

А 01938.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 1601. Тираж 400 000 экз.

